

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М33

Оформление обложки *Алины Лоскутовой*

Матвиенко, Сергей.
М91 Приговорённые к счастью / Сергей Матвиенко. — Москва :
Матвиенко С., 2024. — 416 с.

В мире будущего, где любого умершего могут воскресить, проходит волна таинственных самоубийств. Детектив Бальтазар — в прошлом испанский инквизитор — принимается за расследование.

Покойным не было смысла накладывать на себя руки, казалось бы, ничего общего нет... кроме желатиновых оболочек в желудках.

Кто же таинственный убийца и каковы его мотивы?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-600-04196-7

© Сергей Матвиенко, текст, 2024
© Алина Лоскутова, иллюстрация на обложке, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Повезло с заказом.	7
Глава 2. Задушевный разговор.	26
Глава 3. Роковая прогулка	46
Глава 4. Забытый сон и кое-что похуже	61
Глава 5. Важная птица Вернер.	84
Глава 6. «Реактивные зигзаги»	94
Глава 7. Сбежавшие.	110
Глава 8. Ведьма	122
Глава 9. Дикий метеорит	141
Глава 10. Институт Времени	153
Глава 11. Выверт непослушания	170
Глава 12. Покойный Фома.	188
Глава 13. До предела счастливый Руман.	208
Глава 14. Достать отказника	227
Глава 15. Без вести пропавший. Мытарства Адольфа	240
Глава 16. Бэтмен	268

Глава 17. По методу Дмитрия	278
Глава 18. Почти невинные шалости Елизаветы	290
Глава 19. Старый греховодник	308
Глава 20. Лёва	315
Глава 21. Её хахаль Зогх	321
Глава 22. Слегка сумбурная вечеринка	339
Глава 23. Кое-что о Фернандо	367
Глава 24. Нелёгкий выбор	379
Глава 25. Прощальный привет Бенито	389

Глава 1. Повезло с заказом

«... Если Бог — это Слово, то Слово это непременно молчаливое и надменное, — лениво подумал Бальтазар и зевнул. — Зато Господь наш много-терпелив в своём молчании, раз попускает нам миллиарды лет. Или сколько там минуло со дня Сотворения? Полтора миллиарда с тех пор, как сам Бальтазар испустил последний вздох земной жизни, и ещё какое-то время до этого. Но, — отметил он себе, — воскресили его работники Института Времени, а не Боженька. А оплатила заказ любимая доченька Мари, спасибо ей, ненаглядной. Так что, может, и нет нашего Господа... Так, одно досужее умствование...» Горькая мыслишка. Лучше об этом и не думать, всё одно пустая схоластика.

Уже пятьсот лет прошло, как он — бывший испанский инквизитор — здесь объявился, а нет-нет да и порассуждает на сей счёт. Когда он в дальнем космосе сотни лет каменюки ледяные ковырял, о глупостях думать, слава богу, было некогда — хотелось поскорее накопить денег на свою несравненную Елизавету. А как устроился на тёплое конторское место на Луне — отсеивать ненадёжных претендентов на воскрешение (так сказать, уподобился архангелу Гавриилу), — так и потянуло на философию.

Это всё от скуки, решил Бальтазар. Зря он на Землю припёрся: ничего нового о таинственных самоубийствах и неведомом наркотике «смерть под кайфом» не услышал и вряд ли услышит.

Лучше бы Дмитрий вместо него Альберта в командировку отправил с его «прорывной статьёй» оценки качества душ усопших. Но Дмитрий упёрся: «Нет, позвали тебя. Ты к людям подход имеешь и всё правильно доложишь. Может, и новый заказ ухватишь». Как же, ухватит! Среди сонма конкурентов? Сидит здесь на совершенно бесполезном совещании и теряет время.

Подавив вздох разочарования, Бальтазар снова взялся слушать докладчика. Речь держал ведущий следователь Всепланетной службы досмертных расследований. Большой человек с громкими делами. И, кажется, к своему неудовольствию, Бальтазар понял, куда тот клонит.

Землянин часто откашливался и вообще выглядел простуженным — бедный живой органик.

— Трупы по всей Земле, шесть вопиющих случаев кровавых расправ над собой. То, что они делают, не вписывается ни в какие рамки! Чудовищные смерти в наркотическом опьянении. Средневековая инквизиция была милосерднее к своим жертвам, чем они к себе...

«Много ты знаешь, — поморщился Бальтазар. — Нахватаются по верхам... А-а, видимо, переводчик постарался, подыскал эквивалент, недоумок».

Тем временем Емельян Сергеевич — ведущий следователь — продолжал запугивать аудиторию, рассказывая о том, что все и так уже знали.

— У нас есть определённые сомнения, что это наркотик. В смысле, что это нечто вещественное: в крови, тканях тела и мозге пострадавших ничего подозрительного не выявлено. Но! Слушайте внимательно: в желудке у каждой жертвы обнаружена не успевшая раствориться до конца желатиновая оболочка какой-то капсулы — пустышка.

Бальтазар хмыкнул: «А сейчас он начнёт намекать на эффект плацебо от мемонаркотика».

— Поэтому есть все основания полагать, что основные усилия следует направить на поиски мемовирусов, циркулирующих по неизвестным нам каналам общения Земли, и самих таких каналов. Скорее всего, используют примитивное оптоволокно, проложенное в обход государственных магистралей. Как сотни лет назад вскрытая сеть вербовки одной уж очень беспокойной и амбициозной религиозной организации.

«Знай наших», — не без удовольствия кивнул себе Бальтазар.

— Вопросы, уважаемые слушатели? — докладчик оглядел присутствующих.

Бальтазар поднял руку.

— Я вас слушаю, о мудрейший из мудрейших лунян, носящий достойнейшее из всех достойных имён, — обратился к нему Емельян Сергеевич и застыл. В раздражении крикнув, он прибавил: — Прошу, проявите серьёзность. Немедленно отключите эти ваши шуточки. Я ведь слышу, что вы там себе переводите, у меня же доступ. Скажу честно: мне такое шутовство не нравится. Отключайте! На совещание пришли, а не с дружками чай распивать.

Раздались смешки. Бальтазар вспыхнул и забормотал извинения, что, мол, забыл вернуть переводчик в рабочий режим. На самом деле это были проделки его супруги — драгоценнейшей Елизаветы, а точнее, её личного помощника Бенедикта. Бальтазар сразу догадался, как услышал про «мудрейшего из мудрейших», и теперь жалел, что не понял этого ещё на страстях про инквизицию.

Разволновавшись, он принялся откашливаться (а вот это было лишнее — уж очень походило на издёвку над не вполне здоровым Емельяном Сергеевичем), спешно сбросил все настройки переводчика и поднялся.

— Емельян Сергеевич, правильно ли я вас понял: вы утверждаете, что найденные таблетки — плацебо? — спросил

он и прикусил язык, осознав, что назвал того привычным образом, забыв, что переводчик с отключенными настройками выдаст имя как есть.

— «Е-мель-ян Сер-ге-е-вич», — по слогам повторил тот и усмехнулся, — забавное имя. Так вы меня называете? Надеюсь, ничего обидного? Но созвучно моему имени, надо признать.

Бальтазар покраснел — не из-за подозрений насчёт, возможно, неподобающего прозвища, а потому, что слишком много внимания к себе привлёк. Вокруг уже смеялись, особенно усердствовал представитель фирмы-конкурента. Емельян Сергеевич, прищурившись, внимательно смотрел на Бальтазара и наверняка заметил предательскую красноту его пластиковых щёк.

— Обычное имя, — помялся тот. — Для удобства произношения. Подобрал пару схожих имён на латыни — это мой второй родной язык, для официальных речей, так сказать. И видоизменил на русский лад — ещё один неизвестный вам язык. Мой приятель на нём говорит.

— Дмитрий?

Бальтазар кивнул.

— Да, вы всё верно поняли, — строго сказал докладчик. — Именно плацебо! Хорошее слово подобрали, спасибо. Включу в отчёт.

— Да, но...

— Возражения не принимаются. Здесь не дискуссионный клуб, здесь вышестоящему руководству докладывают о проделанной работе. Если, конечно, есть что. Вольно, садитесь.

Бальтазару было что докладывать, но он не стал перечить — с него довольно. Он сел, сгорая от стыда, — неплохо выступил, неплохо. Как бы не попасть в какой анекдот с таким-то выходом.

Пошли другие вопросы, но всё больше в заданном Емельяном Сергеевичем русле. Обсуждали мероприятия по поиску тайного подземного кабеля связи. Коснулись негласных опросов для изучения необъяснимых искажений в общественных мнениях или для выявления новых — любых иррациональных идей, не вписывающихся во все известные повестки. Не отклоняясь от заданной линии, дошли и до такой ерунды, как привлечение к поискам искусственных мозгов. Все знают, как важно дать им чёткое направление и затем следить, чтобы не выдумывали обоснований случайным совпадениям. Говорили много: не покажешь себя — не продашь.

Бальтазар слушал вполуха: его глодала обида. Да и что они скажут, подпевалы? А ему пока лучше не лезть с предложениями. Пусть его выступление подзабудут, к тому же было опасение, что повреждённое устройство снова засбоит. Он вычистил последние обновления переводчика — так и есть, Бенедикт влез туда своими лапами. Работа грубая, зато какая эффектная.

Просмотрев расписание ближайших рейсов, Бальтазар прикинул, успеет ли заскочить в магазинчик за сувениром с Земли для Елизаветы — чем-нибудь небьющимся, вернее, принципиально неуничтожимым.

Он глянул через щёлку занавески в окно — солнце уже поднялось, перестав бить в глаза и слепить. Лучи оранжевого, непривычного и потому чужого солнца падали на подоконник почти отвесно. Середина дня, ждать осталось недолго.

На окне рядом с ним сидела бабочка, она медленно закрывала и открывала красные, как огонь, крылья. Видимо, залетела через приоткрытую створку. Это луняне здесь могут электрическими накопителями обойтись, а людям-органикам нужен кислород, их сюда немало набилось про ужасные страсти послушать.

«Милая земная бабочка... — думал Бальтазар, глядя на неё. Его душу заполнили нежные чувства. — Прошли эпохи, а бабочки всё те же. Сидит себе и радуется старого инквизитора своей красотой, напоминает о былом. Настоящее живое существо, а не анимированная картинка! Вот бы тебя подарить Елизаветушке...»

Сыщики по одному получали короткий инструктаж от Емельяна Сергеевича и покидали аудиторию. Пошептавшись с ним, поднялся главный конкурент, с победным видом глянул на Бальтазара и ехидно улыбнулся. Тот махнул ему рукой на прощание. Да, моделька у конкурента что надо, от человека с первого взгляда не отличишь, да и со второго тоже. Умеют же некоторые делами ворочать и деньги заколачивать. Бальтазар оглядел себя — пластиковое чучело, только цивильная одежда и выручает.

Он повернулся к бабочке. Ну, предположим, поймает её, привезёт на Луну и оформит в какой-нибудь террариум с доступом на просмотр для Елизаветы? Дальше что? Сколько насекомое проживёт-то? От силы месяц, пока длится лето. И крылья цвета пламени Бальтазара уже не пленяли, а всё более смущали. Его супруга — такая привереда... Не так ведь поймёт — обвинит, что нарочно выбрал такую огненную, что она сама точь-в-точь как эта бабочка, запертая им на погибель для его развлечения. Нет, определённо дурацкая затея...

— Бальтазар, вы всё бабочек ловите? — пророкотал над его ухом хриплый голос.

Тот вздрогнул. Над ним высился Емельян Сергеевич. Специально, что ли, подкрался?

— Нет, что вы! — «Как он догадался?!» — Зачем она мне? У нас своих хватает, пусть и рисованных.

Ведущий следователь почесал затылок в недоумении.

— Смотрю, опять ваш переводчик барахлит. Вы сидите отстранённый, весь в глубокой задумчивости, ничего не за-

мечаете. Вот я и говорю: вы всё ворон считаете? У меня к вам серьёзный разговор, а вы будто обиделись на весь мир. Или, может, на меня? Нет?

Бальтазар помотал головой:

— Никаких обид. Не надо было мне выступать, это верно.

— Верно. — Емельян Сергеевич нагнулся и шепнул: — Я вас пока обойду, никуда не уходите. Продолжайте бабочек считать.

Усмехнувшись, он отправился к последнему, не считая Бальтазара, оставшемуся участнику совещания.

Бальтазар тихо вздохнул, — видимо, его ждут нравоучения и выволочка. Не задался день.

Он снова забрался в настройки переводчика. Да, Бенедикт, чёртово отродье, хорошо тут пошуровал. То работает, то не работает. Вот же понакрутил! И ведь не пожалуешься на него хозяйке. Ни в коем случае! Развеселится и станет нахваливать ловкача. А тот, ободрённый, опять что-нибудь затеет.

Ещё раз внимательно всё проверив, Бальтазар вычистил следы недавних чужих вмешательств, затем поменял пароль доступа с «МояПрекраснаяЕлизавета» на «БенедиктОсёл ЕлизаветаВедьма».

Емельян Сергеевич тем временем выпроводил последнего слушателя. Плотно закрыв за собой дверь, ведущий следователь сразу посерьёзnel и посмотрел на Бальтазара почти хмуро.

Тот поднялся.

— Не против, если я закрою окно? — подойдя к столу Бальтазара, спросил Емельян Сергеевич. — А то здесь слишком свежо.

Бальтазар пожал плечами, хотя в помещении изрядно попахивало потом — в пору было морщить нос.

— Хорошо, что вас не заражу, вы-то пластиковый, — усмехнулся Емельян Сергеевич.

«И мёртвый», — додумал за него Бальтазар.

Емельян Сергеевич закашлялся.

— Боюсь, совсем расклеюсь и слягу. А я, знаете ли, к вам не тороплюсь.

— Я закрою, — буркнул Бальтазар.

Он встал, подошёл к окну, выгнал бабочку наружу и захлопнул створку.

— Я знаю, что вы нам всем хотели сообщить, Бальтазар, — сказал Емельян Сергеевич, усаживаясь за стол. — О результатах проведённого вами моделирования по скану мозга одной из наших жертв, двухсотлетнего деда.

Бальтазар сел напротив и внимательно посмотрел на собеседника — похоже, выволочка и нравоучения отменяются.

— Верно, об этом, — подтвердил Бальтазар. — Мы его взяли из-за возраста: если он столько прожил — биография-то у него почтенная, — то, воскресённый, он вероятнее других заживёт обычным человеком — лунянином, а не впадёт снова в экстатическую кому, которой жизнь кончил. То есть негативные последствия под вопросом и моделирование помогло бы уточнить риски воскресения. И ещё: он дешевле всех выходил, тоже немаловажно...

— Я и про это знаю, — улыбнулся землянин. — Ваш Альберт прислал в один престижный научный журнал статью, где подробно изложил эти вводные, в том числе оценку стоимости эксперимента. Кстати, мастерски по Институту Времени прошёлся, по-академичному.

— Это он зря... — Бальтазар нахмурился. — Он хотел ещё острее написать про жадность Института и повальную некомпетентность историков, но мы с Димой не одобрили.

Емельян Сергеевич хмыкнул.

— Так вот, статейку мы пока задержали, — сказал он. — Дело чрезвычайное. Никаких подсказок врагу, что мы знаем, а чего не знаем. Ваша дочь указана в соавторах, и позавчера

с ней связались наши специалисты прояснить некоторые моменты якобы для печати. Ведь это она подготовила модель души для анализа?

Бальтазар кивнул и зарделся. Если речь про тонкости исследования, то он, пожалуй, не вытянет. Вклад Маришечки ему очевиден, но не вполне ясен. Это Альберта надо спрашивать. Говорит, ничего сложного там нет, а сам сыплет тяжёлыми учёными словесами.

— Честно скажу, сам я далёк от этой научной магии, — усмехнулся Емельян Сергеевич. — Но спецы вашу Мари нахваливали: по полочкам им всё разложила. Говорят, выводам статьи можно доверять. Дедуля вряд ли захочет жить «обычным лунянином». Как это?.. Как у вас такого называют, э-э...

— Отказник. Объявится у нас, поживёт недолго да и окулится. Ну то есть впадёт в пограничный с жизнью транс, приятное забытьё. По-простому — почти что овощ на подпитке.

— Если объявится! — заметил Емельян Сергеевич.

— Верно. Если! На Луне таких не любят: оно сидит себе или лежит, а ты его содержи, раз вытащил. Живой же, хоть и не совсем: то ли спит, то ли не спит. Кайфует себе. Но оговорюсь: его родственникам, лунным или земным, я не стал бы так однозначно обрисовывать эти мрачные перспективы. И в статье Альберта формулировки гораздо обтекаемей. Всегда есть надежда, хоть иногда и мизерная.

Ведущий следователь кивнул, и Бальтазар продолжил:

— Вывод про впадение в транс верен лишь в той мере, в какой наша модель отражает душу изучаемого субъекта. Возможно, для более надёжных выводов маловато данных. Мы использовали около тысячи коротеньких временных линий длиной тридцать секунд на кубический миллиметр в разных точках мозга. В основном лобные доли и лимбическая система. И то полугодовой бюджет в Институт улетел. — Он вздохнул.

— Спецы сказали, выборка приличная. — Емельян Сергеевич почесал подбородок. — И хотя наши бюджеты тоже не бездонные, ваши траты мы возместим. Не безвозмездно, разумеется.

— Это к Дмитрию, он начальник, — неуверенно пробормотал Бальтазар. — Нам пришлось взять большой заём под обеспечение будущих общественных выплат. И теперь полгода весь наш доход — от одних частных заказов. Потому на ваше «не безвозмездно», боюсь, у меня нет полномочий.

Емельян Сергеевич крикнул от досады.

— Никакого Дмитрия! Никого, кроме вас, я привлекать не собираюсь. «Не безвозмездно» значит, что вы дадите личное обязательство помощи в расследовании. Куда катится ваша Луна? Помешались на деньгах!

— Попадёте к нам, поймёте, — проворчал Бальтазар. — Я согласен. Обязуюсь хранить тайну и работать на вас, но не против интересов моей конторы и друзей.

— Прекрасно! Вы все нас полностью устраиваете. Мы вас хорошенько проверили. Подписывайте допуск к секретным документам.

Емельян Сергеевич вытащил карточку своего телефона и протянул Бальтазару. Проведя ладонью над телефоном, тот взял допуск и, развернув виртуальный документ перед глазами, внимательно прочёл. Условия не кабальные, свобода действий и передвижения не ограничивается, штрафов нет. Подписал. Шикарная сделка.

— Мне ознакомиться сейчас? — спросил Бальтазар, таким же образом забрав электронную папку с документами.

— Так точно. К сожалению, материалов мало. Что неясно — спрашивайте.

Бальтазар положил руки на стол и закрыл глаза. Закрепив позу андроида, отключился от него, вернувшись к себе на орбитальную станцию, где и находился физически (хотя

сами апартаменты были виртуальные, то есть обычные рисованные декорации лунян, в которых они живут). Здесь у него была уютная комнатка с видом на Землю. Положив папку на журнальный столик, он уселся в кресло. Поёрзал — слишком мягкое и глубокое, ещё и спинка сильно откинута назад. Он превратил кресло в жёсткий стул, поднял столик повыше и стал листать полученные бумаги. Действительно, негусто.

Из того, что ему и так известно: жертвы на момент смерти находились в экстатическом состоянии, все найдены с блаженной улыбкой, все убивали себя крайне болезненным способом. Так, по наркотику: выявлены следы распада неизвестного психотропного препарата... Ага, под сомнением, — возможно, ошибка аналитического оборудования. Перебор химических веществ-кандидатов, сплошная органическая «алхимия» (даже Дима вряд ли разберётся). И... вывод: препарат неизвестной природы. М-да, захватывающее чтение...

Вдруг его взгляд споткнулся: «„Реактивные зигзаги“... глава компании Вернер...» Бальтазар округлил глаза, сердце его пару раз гулко стукнуло. Так, кажется, понятно, почему именно его выбрали. «Реактивные зигзаги» — его первое и неудачное трудоустройство в дальний космос. Со скандалом тогда уволился. Плохо дело, если из-за этого. Видимо, сами не знают, кому доверять.

На «Реактивные зигзаги» в деле одни косвенные указания. Через вторые руки, третьи. Кто-то когда-то с кем-то работал, встречался или был знаком, но это не точно, м-да... Вернер чист как стёклышко, прямо ангел во плоти. Не вызывает никаких подозрений, кроме единственного: каждый из шести случаев был как-то связан с его компанией. Да, пусть неявная и опосредованная, но всё-таки связь имелась.

Краем уха андроида Бальтазар услышал телефонный вызов и без воплощения, вручную повернул на звук голову

андроида (неудобно, зато не надо вставлять и в него одеваться). Глянул наружу в окошки глаз. Емельян Сергеевич, вскочив, ходил по комнате, махал руками и неразборчиво — на звуковой секретке — бубнил в телефон. Ведущий следователь, весь в делах и заботах.

Вернув голову в исходное положение, Бальтазар ещё раз пролистал бумаги. Вроде ничего не упустил. Так, какие у него вопросы? Ничего умного в голову не приходило, в документах одни неподтверждённые догадки. Конечно, можно спросить: и что ему делать? Но это как-то непрофессионально.

Стоп! Как же он сразу упустил? Дима ведь переписывался с этим Вернером по поводу теорий мирового эфира. Может, и сейчас переписывается, но молчит из-за вечных подколов Альберта. Какая-то большая для обоих тема. Они — Дмитрий и Альберт — и в дальнем космосе находили время об этом поспорить. Иногда ругались, да так, что приходилось их мирить. Помнится, Дмитрий уже на Луне напечатался по своему любимому эфиру в малоизвестном научном журнале, сослался на статью Вернера, опубликованную там же, а тот, в свою очередь, в новых статьях ссылался на Дмитрия. Альберт, узнав об этом, долго хохотал над таким взаимовыгодным перекрёстным опылением. Вдобавок выяснил, что печатались они в «псевдонаучной помойке» без редакции и рецензирования. Вот тогда-то Бальтазар и узнал, с кем переписывается и кем восторгается Дмитрий. Вдобавок выяснилось, что и Альберт к Вернеру равнодушен, но совершенно в противоположном смысле: восторгов Дмитрия о «гениальном инженерере» он не разделял. Как и Бальтазар.

Значит, есть возможность что-нибудь вынюхать про Вернера через Дмитрия. Ясненько: ещё довод, чтобы выбрать Бальтазара. Осталось придумать хороший вопрос, и можно выходить.
